Отд. оттискъ журн. «В.-Истор. Вѣстн.» 1911, № 1—2, Кіевъ.

Императрица Екатерина II, какъ историкъ [1].

Въ теченіе 40-лѣтней дѣятельности Императорское Рус. Ист. Общ. напечатало до 130 томовъ Сборника, въ числѣ матеріаловъ котораго болѣе обширное количество документовъ относится къ царствованію имп. Екатерины II. Въ послѣднее же время Имп. Академія Наукъ издала собраніе ея сочиненій. Это обстоятельство даетъ поводъ остановиться на ея трудахъ и притомъ, собственно, на историческихъ ея предпріятіяхъ и воззрѣніяхъ, какъ менѣе другихъ подвергавшихся изслѣдованію и оцѣнкѣ.

Чтеніе историческихъ произведеній составляло предметъ любимыхъ занятій Екатерины II. Еще въ юности она знакомилась съ сочиненіями по исторіи, начиная отъ лѣтописи Тацита и весьма доступно изложенныхъ произведеній Монтескье и Вольтера (Опытъ о нравахъ) до многотомной исторіи Германіи Барра [2]) и церковныхъ лѣтописей кардинала Баронія, въ старомъ русскомъ переводѣ. Позже она располагала полнымъ собраніемъ древнихъ писателей въ новѣйшихъ переводахъ, которые обыкновенно слѣдовали за ней во время переѣздовъ. Барону Гримму она хвалилась, что исторія Франціи ей хорошо извѣстна; а д-ру Циммерману,—что она также хорошо знаетъ исторію Англіи. По совѣту гр. Шенберга, она прочла многотомный трудъ Гиббона (Ист. упадка и разрушенія Римской имперіи), во

¹) Читано въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Рус. Историч. Общества въ Царск. Селѣ, 2 апрѣля 1910 г. Настоящій очеркъ представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширной монографіи, входящей въ III-й томъ «Опыта русской исторіографіи».

²) Barre, Jos., Histoire générale d'Allemagne, I—X, Paris, 1748, 4⁰.

франц. изданіи, такъ какъ, по ея словамъ, не имѣетъ уже времени изучить англ. языкъ. По словамъ принца де-Линя, она знала исторію всѣхъ странъ. Лордъ Мальмсбери замѣчаетъ, что онъ былъ озадаченъ ея познаніями, и что она сама годилась бы въ судьи, такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція [1]). А русскій исторіографъ Миллеръ, по словамъ Шлецера, удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи, когда она была еще великой княгиней [2]).

Широкое знакомство съ исторіей убѣдило Екатерину въ слѣдующихъ положеніяхъ, на которыхъ она будетъ настаивать: это—1) въ одинаковости развитія и способовъ просвѣщенія человѣчества, 2) въ медленности и постепенности успѣховъ гражданственности, вслѣдствіе чего Россія не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. И свой «Наказъ» она начинаетъ словами: «Россія есть Европейская держава»,—положеніе, которое она не разъ повторяетъ. Если впослѣдствіи Екатерина признавала, что собранная ею Комиссія Уложенія «подала свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно», то, съ другой стороны, она справедливо полагала, что «не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ»! Понятно поэтому, что изданію историческихъ памятниковъ и трудовъ она придавала весьма важное значеніе.

Въ ея царствованіе впервые было издано большое собраніе русскихъ лѣтописей (до 30 томовъ) и появляются обширные сборники матеріаловъ: Новикова, Туманскаго, Голикова, Чулкова; труды Татищева, Щербатова, Болтина, Стриттера (извлеченія изъ византійскихъ писателей), Мусина-Пушкина и др. Кн. Щербатову она поручила разобрать кабинетный архивъ Петра В., по поводу чего писала Вольтеру: «Я хочу издать въ свѣтъ письма Петра В. и для того приказала собирать ихъ вездѣ: въ нихъ онъ является совершенно такимъ, какимъ былъ». А получивъ отъ него «Исторію Петра», она писала: «Если бы тогда, когда вы начали это твореніе, я была то, что теперь, то доставила бы вамъ много и другихъ записокъ». При Екатеринѣ предпринимается въ Моск. арх. кол. ин. дѣлъ систематическое описаніе сношеній Россіи съ иностранными державами, подъ наблюденіемъ Миллера, а потомъ Бантыша-Каменскаго. Такимъ образомъ, говоря о томъ, какъ стояло дѣло до Екатерины II и что было сдѣлано ею на пользу русской исторіи, Шлецеръ былъ правъ, сказавъ: «Какой новый свѣтъ открылся те-

---

[1]) Въ числѣ бумагъ Екатерины II сохранились выписки изъ шести томовъ «Блакстонова толкованія аглицкихъ законовъ». Она часто пользовалась извлеченіями изъ него для своихъ учрежденій и по ея же повелѣнію былъ сдѣланъ и изданъ въ 1780—82 г.г. переводъ сочин. Блакстона проф. моск. универ. Десницкимъ.

[2]) Вскорѣ уже по вступленіи на престолъ (1767), въ бытность свою въ Н.-Новгородѣ, Екатерина приказала мѣстному архіеп. собрать сколь можно извѣстія лѣтописцевъ и переслать въ Петербургъ.

перь въ Россіи для словесности. Кто бы до царствованія Екатерины II осмѣлился печатать такія вещи? Великая жена не только что позволяла, она того желала, повелѣвала». Екатерина II слѣдила за успѣхами исторической науки въ Россіи, она ею интересовалась и сама принимала участіе въ ея дѣятельности.

Предполагаютъ, что Екатерина была вызвана на занятія русской исторіей сочиненіями, напечатанными въ Парижѣ: француза Леклерка, служившаго прежде врачемъ въ Россіи—«Исторія древней и новой Россіи» (6 том., 1783 г.), на которую позже издалъ обширныя примѣчанія Болтинъ, и одновременно вышедшимъ произведеніемъ другого француза, менѣе оскорбительнымъ, Левека, бывшаго учителемъ при кад. корп. въ Петербургѣ (5 т.) [1]. Но это не вполнѣ такъ. Въ подобномъ случаѣ Екатерина могла бы выступить съ отдѣльнымъ опроверженіемъ, какъ это было сдѣлано ею раньше (1771 г.) относительно книги аббата Шаппа (Путешествіе въ Сибирь въ 1761 г., П. 1768 г.), въ извѣстномъ Антидотѣ, принадлежность котораго Екатеринѣ теперь не оспаривается. Занятія ея русской исторіей совпадаютъ съ составленіемъ библіотеки для чтенія ея внуковъ, и она не разъ прямо называетъ этотъ трудъ «Александро-Константиновской библіотекой», подъ именемъ которой былъ изданъ нѣмецкій переводъ ея произведеній и въ томъ числѣ «исторія». Попутно она коснулась и произведеній названныхъ выше французскихъ авторовъ. Поэтому въ предисловіи она говоритъ: «Сіи записки касательно россійской исторіи сочинены для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ «исторіи россійской», кои скорѣе именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено, но къ онымъ не стыдится представить злобные толки». Она упрекаетъ авторовъ въ незнаніи источниковъ, языка страны и опять указываетъ на одинаковость развитія всѣхъ народовъ въ извѣстныя эпохи. Въ своемъ распоряженіи Екатерина имѣла обширное собраніе источниковъ русской исторіи, отчасти полученныхъ изъ кабинета Петра В., отчасти же собранныхъ изъ монастырей въ ея время, или полученныхъ ею отъ частныхъ лицъ (гр. Строганова, Мусина-Пушкина, кн. Трубецкаго) и даже нарочно списанныхъ въ иностр. библіотекахъ (напр., въ Кенигсбергѣ, въ Упсалѣ); такъ что она могла хвалиться, что располагаетъ русскими лѣтописями въ количествѣ до 150 рукописей. Подобное собраніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что многія изъ послѣднихъ, вслѣдствіе неудачнаго возвращенія и затѣмъ пожара, постигшаго нѣкоторыя библіотеки (Мусина-Пушкина, Карамзина) въ 1812 г., навсегда оказались утраченными. Въ подготовленіи матеріаловъ для Екатерины II принимали участіе профессора Москов. университета Барсовъ и

[1]) Потомъ членъ франц. института, авторъ соч. по древней исторіи. Трудъ его по русской исторіи въ свое время былъ не безполезенъ.

Чеботаревъ, а также статсъ-секретари: Олсуфьевъ, Храповицкій, Безбородко. Для переводовъ изъ польскаго родословника былъ призванъ Булгаковъ, служившій при миссіи и посланникомъ въ Польшѣ. Но выборъ матеріаловъ, распредѣленіе его, черновые тексты, всецѣло принадлежали ей, о чемъ свидѣтельствуетъ самый ходъ работы и ея автографы, сохранившіеся въ Государ. и Академич. архивахъ. Переписка текста и обработка стиля, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Екатерины, лежали на ея сотрудникахъ, такъ какъ, по ея признанію, «она не знала основательно ни одного языка»... Вступивъ на путь исторической писательницы, Екатерина дѣлила свой досугъ «между дипломатіей и исторіей», или «между исторіей и законодательствомъ», находя часто, что «не можетъ заниматься ни тѣмъ или другимъ, а только исторіей». Ей были извѣстны болѣе выдающіеся памятники древней письменности, какъ Реймсское Евангеліе, Сборникъ Святослава 1076 г., Слово о полку Игоревѣ, Задонскій бой и т. п. Въ кругъ ея источниковъ входили и грамоты, и разрядныя, и родословныя книги, и иностранныя извѣстія о Россіи. Она интересовалась сказаніями Курбскаго и восхищалась записками Герберштейна, единственный экземпляръ русскаго перевода которыхъ находился въ ея библіотекѣ. Она озаботилась сохраненіемъ древностей въ Булгарѣ на Волгѣ и т. п. Не разъ она дѣлилась своими мелкими разысканіями съ окружающими лицами и своими корреспондентами и признавалась, что ей пріятно возиться въ этомъ старомъ хламѣ, и еще въ концѣ 1794 г. она писала: «Ахъ, мои любезныя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете; когда я снова растревожу васъ. Я нахожусь теперь въ 1368 и 1369 г.г.». Ея сводъ заканчивается 1390 г., но выписки изъ источниковъ идутъ далѣе. Онъ былъ изданъ въ VI томахъ въ 1787—94 г.г. и вновь съ дополненіями по 1390 г.—въ наше время. И въ томъ же (1794 г.) она еще поручала об. прок. Синода Мусину-Пушкину, чтобы достовѣрно и въ скоромъ времени справиться о Вел. Четіяхъ Минеяхъ Макарьевскихъ, имѣющихся въ библ. Успенскаго собора, изъ коихъ источниковъ почерпнулъ м. Макарій запасы, составляющіе 12 томовъ его Миней, и разыскивать о томъ въ Синод. и Типогр. библіотекахъ и что найдется представить въ Св. Синодъ для донесенія Ея Величеству.

Екатерина признавала всю важность хронологіи и генеалогіи и потому для каждаго княженія составила таблицу правителей Востока и Запада, свѣтскихъ и духовныхъ, царствовавшихъ современно имъ. Кромѣ того, она даетъ въ своемъ трудѣ родословникъ князей Рюрикова дома, а въ отдѣльныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ происходящія отъ нихъ княжескія и дворянскія фамиліи. Съ этою цѣлью въ ея библіотекѣ были собраны разнообразные генеалогическіе матеріалы. Быть можетъ она слѣдовала здѣсь и своему давнему влеченію, высказанному еще въ молодости: «Признаюсь, что хотя я свободна отъ предразсудковъ и у меня умъ отъ природы философскій, однако, чувствую великую склонность чтить древніе роды..., мнѣ пріятно

возстановлять ихъ». Она хвалится, что ея родословникомъ пользуются и другіе. Въ письмѣ къ Гримму она говоритъ: «Рюрикъ, первый русскій князь, это тотъ Рюрикъ, который до своего возвышенія въ этотъ санъ, былъ во Франціи и въ Англіи и помогалъ норманнамъ сдѣлать ихъ завоеваніе». Въ другомъ письмѣ она такъ разукрашиваетъ родство Владиміра I: «Св. Владиміръ былъ дѣдомъ франц. королевы; онъ былъ двоюродный братъ императора Оттона II; онъ былъ beau-fils Романа, императора константинопольскаго; одна изъ его дочерей была замужемъ за Стефаномъ, корол. венгерскимъ, другая за корол. чешскимъ; вы видите изъ этого, что это былъ сеньоръ съ очень хорошимъ родствомъ и, несмотря на это, вы все-таки спрашиваете, откуда я его взяла». Съ особенной настойчивостью она проводитъ мысль, что князья литовскіе, и сами Ягеллоны, происходили отъ князей полоцкихъ, возвратившихся изъ ссылки въ Царьградъ,—потомки Мстислава Владиміровича. Она обращаетъ вниманіе, въ какихъ западно-русскихъ городахъ сидѣли князья—потомки Владиміра Св., и что даже послѣ соединенія Литвы съ Польшей дѣла въ Запад. Россіи отправлялись на рус. языкѣ, метрическія книги литовскія писаны по-русски и числа поставлены отъ сотворенія міра по счисленію греко-восточной церкви и индикты означены. Названная родословная не была придумана Екатериной. Она нашла ее въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, хронографахъ и родословныхъ книгахъ, хотя и опровергается позднѣйшими изслѣдованіями. Подъ вліяніемъ своихъ филологическихъ занятій и современной теоріи о единствѣ языковъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ соч. Куръ-де-Жебелена, она утверждаетъ, что собрала множество свѣдѣній о древнихъ славянахъ и можетъ доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ, областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и др. странахъ... Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названіями. Названіе *Перигоръ* во Франціи состоитъ изъ двухъ-трехъ славянскихъ; слово *баронъ* не что иное какъ *бояринъ;* Радміръ—радъ миру, Людвигъ (людъ и двигать) и т. д. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобнымъ словопроизводствомъ тогда грѣшилъ Ломоносовъ и даже Шлецеръ. Всѣ Меровинги, какъ и вандальскія государства въ Испаніи, по мнѣнію Екатерины, были славянскаго происхожденія. И она настаиваетъ на необходимости иностраннымъ ученымъ изучать славянскій языкъ. «Совѣстный судъ есть славянскій обычай. Саксонцы оный ввели въ Англію», говоритъ она.

Екатерина весьма цѣнила труды Татищева и озаботилась изданіемъ его исторіи. Она приняла его мнѣнія объ исторіи, о раздѣленіи русской исторіи на 5 періодовъ, о лѣтописи Іоакима, которой пользуется и для исторіи, и для своихъ драмъ, о бармахъ Владиміра Мономаха, объ училищахъ въ до-монгольскій періодъ, характеристики князей и т. п., до его производства названія слова «бояринъ» изъ сарматскаго языка, что значитъ будто бы «умная голова» или «умный человѣкъ», впрочемъ, принятое и Болти-

нымъ; но ея національная точка зрѣнія не позволила ей признать варяговъ за финновъ (какъ у Стриттера) уже потому, что соблазнительно покажется всей Россіи принять толкованіе о происхожденіи россійскаго народа отъ финновъ и самое отвращеніе указываетъ на ихъ разность; какъ не согласна она признать и мнѣніе Татищева, что *варяги* были пираты, и самое названіе которыхъ происходитъ не отъ *воръ*, а отъ *варъ* или *гваръ*, такъ какъ они составляли почетную гвардію въ Константинополѣ. Равнымъ образомъ мнѣніе ея направлено и противъ *норманизма* русскихъ князей. Не позволяя себѣ вносить въ исторію басни, она воспользовалась разсказами мнимой Іоакимовой лѣтописи, чтобы воспроизвести подробности ея въ исторической трилогіи: «Рюрикъ», «Олегъ» и «Игорь», написанныхъ «въ подражаніе Шекспиру, но безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ». И на первыхъ страницахъ ея исторіи, и въ драматическихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ излюбленными ею идеями, положенными въ основаніе «Наказа». Такъ, Вадимъ, являющійся противникомъ власти Рюрика, тронутый его великодушіемъ, покоряется ему и отплачиваетъ вѣрной службой. Какъ это напоминаетъ ея бесѣду съ статсъ-секрет. Храповицкимъ: «Разговоръ о Франціи»! «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что фермантаціи тамъ быть должно; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Фаэта (Лафайета), какъ честолюбца, взяла бы себѣ и сдѣлала бы своимъ защитникомъ. Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія [1])». Когда она пишетъ объ Ольгѣ, въ славянскомъ происхожденіи и знатности рода которой она не сомнѣвается, то обращаетъ вниманіе на ея мужество и мудрость и тутъ же прибавляетъ, что Святославъ, пока жива была мать его, мало о правленіи прилежалъ, но упражнялся въ воинскомъ распорядкѣ и во всемъ полагался на мудрость и искусство своей матери. И здѣсь же изображаетъ просвѣщенную дѣятельность этой правительницы. Она утверждаетъ, что, благодаря благоразумію Ольги, и языкъ славянскій сталъ процвѣтать. Невольно припоминаются здѣсь отношенія Екатерины къ сыну, в. кн. Павлу Петровичу, и ея просвѣтительная программа царствованія. И въ одномъ наброскѣ опять она припомнила враждебныя ей отношенія къ вел. кн. Павлу Петровичу—Петра Панина: «Сосѣдъ—умоначертаніе почти Петра Панина: военной человѣкъ, невѣжда, даже до математики—все вздоръ. Онъ обѣщалъ учителя отыскать для сына».—Въ другой разъ сказалось женское чувство Екатерины, когда она коснулась правленія ц-ны Софьи: «Я думаю, говоритъ она, что ей не была отдана должная справедливость... Она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководила дѣлами государства со всею проницательностью, которой возможно желать... Она была весьма способна царствовать. Ея честолюбіе, когда ее хотѣли удалить отъ правленія, возбудило волненія, которыя утихли лишь,

---

[1]) Волковъ, Румянцовъ, Мельгуновъ и др.

когда ее заточили въ монастырь». Далѣе Екатерина распространяется о соперничествѣ Софіи съ матерью Петра, о придворныхъ интригахъ, и прибавляетъ, что партія ея была велика и нуженъ былъ весь геній Петра В., чтобы выпутаться изъ всѣхъ затрудненій, которыми постарались окружить со всѣхъ сторонъ этого юнаго государя [1]). Любопытно также, что при Екатеринѣ былъ вновь изданъ портретъ Софьи со всѣми регаліями и полнымъ титуломъ, присвоенными царской власти.

Легкость обращенія въ христіанство Владиміра Екатерина объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ при бабкѣ и имѣлъ жену чехиню, а народа—тѣмъ, что уже раньше было много христіанъ. Храповицкій пишетъ: «Призванъ для выслушанія раздробленія Россіи на удѣльныя княженія, во время нашествія татаръ: ихъ сочтено до 70».—«Посуди, какъ же было не выиграть татарамъ. Я еще новое напишу примѣчаніе о тогдашнихъ татарахъ». Пользуясь лѣтописями и соч. Абулгази, Марко-Поло, Рубруквиса и др., Екатерина представляетъ татаръ грозной силой, и по численности ихъ войскъ, и по военной организаціи. Но она отмѣчаетъ вездѣ геройскіе подвиги русскихъ, главнымъ двигателемъ которыхъ была *вѣра*. Любопытный эпизодъ въ этомъ отношеніи разсказываетъ тотъ же Храповицкій: «Показывалъ я рѣку Сить, въ Ярославской губ. Она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Сити убитъ вел. кн. Юрій Всеволодовичъ отъ татаръ. *Думали доказать*, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобъ татаръ атаковать, но р. Сить показываетъ, что Юрій бѣжалъ къ Твери. *Симъ открытіемъ не очень довольны* для сочиняемой исторіи». (368). Съ особенной настойчивостью Екатерина отмѣчаетъ, что вторая эпоха (отъ Рюрика до нашествія татаръ) богата данными, указывающими на сношенія Россіи съ Зап. Европой и не только на многія связи и родство, но даже и на одинакіе обычаи. Она всецѣло принимаетъ замѣчанія Татищева о существовавшихъ въ то время многихъ училищахъ. Все сіе потерялось въ несчастной третьей эпохѣ, т. е. съ нашествіемъ татаръ. «Неволя и рабство подарокъ и умокъ татарскій, котораго, получа въ третьей эпохѣ, наипаче чувствуемъ вездѣ въ четвертой». Въ другой разъ она замѣтила: «Есть двѣ эпохи, во время коихъ русскіе отъ Европы отстали: время власти татарской и время междоусобія, когда шведы и поляки большую партію имѣли; тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и тутъ вышли великіе люди». И, выслушавъ замѣчанія Храповицкаго, что великія несчастія

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, представляя вымышленную бесѣду прежнихъ и современныхъ ей царственныхъ особъ, чужестранныхъ и русскихъ, въ видѣ разговора портретовъ и медальоновъ въ Чесменскомъ дворцѣ, она влагаетъ въ уста Петра слѣд. слова: «Если бы обстоятельства не озлобили противъ меня сестры моей Софіи, я охотно бы пользовался совѣтами ея. Въ ней было много геніальнаго, но она черезчуръ внимала внушеніямъ родственниковъ своей матери и въ особенности дяди своего Милославскаго, который ненавидѣлъ семью моей матери».

творятъ великихъ людей, она съ жаромъ то поддержала... Она пишетъ біографіи Александра Невскаго, какъ «героя», безъ чудесъ, жж. Сергія и м. Алексѣя; она называетъ рядъ великихъ именъ, прославившихся своею дѣятельностью въ смутное время. Это подтверждало ея вѣру въ миссію великихъ людей, которыхъ она называетъ то *героями,* то иногда, въ шутку, *тираннами.* Ей были извѣстны архивныя данныя о раннихъ сношеніяхъ Московіи съ Франціей (при Иванѣ Грозномъ), переписка Ѳ. И. Шереметева съ Филаретомъ, утерянная потомъ, и т. п. Выступивъ на защиту Россіи противъ измышленій аб. Шаппа, она оправдываетъ Бориса Годунова отъ взводимыхъ на него злодѣяній: «Онъ былъ несчастенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него по наслышкѣ или по молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями», и указываетъ на примѣръ Петра В., который распорядился возстановить надпись на колокольнѣ, построенной Борисомъ, сказавъ, что слѣдуетъ уважать память великаго человѣка. По словамъ Кокса, Екатерина интересовалась разысканіями Миллера о Д. Самозванцѣ. Царь Василій Шуйскій, замѣчаетъ Екатерина, утратилъ вѣнецъ потому, что захотѣлъ отмѣнить форму правленія. «Ему сказали: мы не хотимъ двадцати господъ, мы хотимъ одного государя. Какъ только вступилъ на престолъ первый изъ Романовыхъ, всѣ смуты прекратились: ссориться стало не изъ чего, такъ какъ мѣсто было занято. У Михаила былъ отецъ, который былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ и плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ». И въ бесѣдѣ «портретовъ» царь Василій (Шуйскій) говоритъ Михаилу Ѳедоровичу: «Ни у кого на свѣтѣ не было такихъ хорошихъ совѣтниковъ, какъ у тебя. При тебѣ былъ отецъ великихъ дарованій, полный благоразумія. Тебя породилъ на свѣтъ патріархъ Филаретъ. Тобой руководили, посадивъ на престолъ, его ловкость, его мудрость. Находясь въ польскомъ плѣну, я былъ свидѣтелемъ.... тутъ начало свѣтать, медальоны и портреты замолкли»... Коснувшись смутъ, бывшихъ въ теченіе XVII в., она замѣчаетъ, что ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ, что было во Франціи во время дѣйствій Лиги и Фронды, которыя призывали на помощь испанцевъ, между тѣмъ, какъ наши ссоры прекращались, когда государство и государь были въ опасности. Низложеніе патріарха Никона она объясняетъ его безмѣрнымъ притязаніемъ, а именно, желаніемъ участвовать во всѣхъ госуд. совѣтахъ и мѣшаться въ вопросы о войнѣ и мирѣ, а она, какъ извѣстно изъ дѣла Арс. Мацѣевича, не одобряла двоевластія, о чемъ такъ подробно сообщала Вольтеру.

Къ Петру В. Екатерина относилась съ особеннымъ почитаніемъ: «По справедливости нельзя надивиться разуму этого человѣка, писала она Вольтеру. Въ характерѣ его лучше всего то, что какъ бы ни былъ онъ вспыльчивъ, но истина всегда побѣждала его, и по одному этому, кажется мнѣ,

онъ былъ достоинъ статуи (произведеніе Фальконета)». «У Петра В., пишетъ она Гримму, были такіе люди, которые и грамотѣ не знали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало быть неурожая на людей не бываетъ... и, какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно». Принцу Нассау-Зигену, послѣ пораженія флота, она писала: «Будьте выше событій и нападайте снова на непріятеля. Король прусскій былъ истинно великъ послѣ большой неудачи. Петръ I, терпѣвшій пораженіе 9 лѣтъ сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой». Проѣздомъ на югъ Екатерина пожалѣла, что не тутъ построенъ Петербургъ, «ибо проѣзжая сіи мѣста, воображаются времена Владиміра I, въ кои много было обитателей въ здѣшнихъ странахъ. Теперь нѣтъ татаръ и турки не тѣ». Но въ 1795 г. она пишетъ Гримму: «Я совершенно согласна съ шотландскимъ перомъ относительно Петербурга. Но по исторіи Россіи владѣтели сѣвера имперіи легко становились господами юга этой имперіи. Владѣтели юга, безъ сѣвера, всегда были слабы и вялы въ своей власти. Но сѣверъ очень легко могъ обходиться безъ юга или южныхъ провинцій. А столица этой имперіи, на мой взглядъ, еще не найдена, и вѣроятно не я ее найду. Если бы во время шведской войны я не была здѣсь, нужно было бы на 60,000 войска больше, чтобы обезпечить насъ отъ этого стремительнаго нападенія». Она рѣшительно высказалась противъ передѣлокъ реформъ Петра В., когда, по ея словамъ, царствовала невѣжества собственная корысть и бодрствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непониманіемъ новыхъ, введенныхъ Петромъ I, отъ сего родилось отрѣшеніе надворныхъ судовъ въ 1726 г. и опредѣленіе, подписанное верх. тайн. совѣтомъ, чтобы упустить вовсе флотъ, а армію не комплектовать; важнѣйшій способъ, чтобы завистливые сосѣди Россію по клочкамъ разобрали». Къ дѣлу верховниковъ она относится съ порицаніемъ; «но, къ счастію, прибавляетъ она, намѣреніе это было разрушено здравымъ смысломъ большинства» и ссылается на примѣръ дѣленія на удѣлы при Владимірѣ I и послѣдствія, которыя оно повлекло за собою. По поводу правленія Бирона, она выражается: «Какъ бы ни было строго это царствованіе, мы увѣрены, что правленіе хваленаго Ришелье вынесетъ съ нимъ сравненіе». Она хвалитъ стойкость имп. Анны, по поводу шведскаго вооруженія, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. «Сія твердость тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе». Въ другой разъ она замѣтила, что при имп. Аннѣ больше было порядка, чѣмъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ бесѣдѣ «портретовъ» Екатерина влагаетъ въ уста имп-цы Анны выраженія, обращенныя къ Елисаветѣ. «Я любила власть такъ же, какъ и вы, но не прилагала ее къ бездѣлушкамъ. Въ моемъ царствованіи было больше силы, нежели въ вашемъ»; на что им-ца Елисавета отвѣчаетъ: «Что одни называютъ силою, то у другихъ иногда слыветъ жестокостью». Необходимо, однако, помнить и положеніе Екатерины въ цар. Елисаветы. А когда зашла рѣчь о страхѣ отъ бояръ въ царств.

послѣдней, то Екатерина отвѣтила, что у всѣхъ ножей притуплены концы и колоть не могутъ. Вступленіе на престолъ Елисаветы Петр. она объясняетъ, какъ актъ всенародной воли и права дочери Петра В. Въ замѣчаніяхъ и отдѣльныхъ запискахъ Екатерины о царств. Елисаветы разсѣяно и собрано много фактовъ, какъ близкой свидѣтельницы, и слышанныхъ ею отъ современниковъ, которые должны разсматриваться уже въ связи съ ея мемуарами. Кромѣ того, она писала замѣчанія на записки Миниха, Бирона, аб. Денины и др., въ которыхъ опять можно найти много данныхъ для современной исторіи.

Въ связи съ занятіями исторіей, Екатерина высказала свои взгляды на русскихъ историковъ. Она отдаетъ предпочтеніе труду Татищева, который разъяснилъ многіе предметы. Это былъ умъ человѣка государственнаго, ученаго и знающаго свое дѣло. Изысканія Ломоносова представляются ей краткими и поверхностными. Исторія Щербатова—скучна и тяжеловата; голова его не была способна къ этой работѣ, и она иногда удивлялась малому его соображенію. Трудъ Елагина ей не нравился своимъ декламаторскимъ стилемъ. Но все преимущество она отдавала Болтину, на строгій судъ котораго передавала свои драмы и историческіе опыты. Нельзя не замѣтить, что отзывы Екатерины объ историкахъ подтверждаютъ вѣрность ея историческаго пониманія. Прочитавъ въ рукописи позже напечатанное произведеніе Стриттера, она сдѣлала опять замѣчанія и, похваливъ обстоятельность автора, замѣтила: «Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно онъ какую ни есть національную систему имѣетъ, къ которой натягиваетъ. Остерегитесь отъ сего». Она приняла предложеніе франц. писателя Сенакъ-де-Мельяна—написать исторію Россіи въ XVIII стол., настаивая на необходимости обширнаго введенія о состояніи Россіи въ предшествующее время, давала ему подробныя и полезныя наставленія, но, убѣдившись въ полной неприспособленности искателя счастья къ такому труду, прекратила сношенія съ нимъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и система преподаванія исторіи, введенная въ учебныхъ заведеніяхъ времени Екатерины, важнѣйшею цѣлью которой ставилось «привести учениковъ къ тому, чтобы они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ». Преподаваніе должно было сопровождаться употребленіемъ ландкартъ, синхронистическихъ таблицъ и т. п. наглядными приспособленіями.

Пользуясь историческимъ опытомъ, Екатерина прибѣгала къ помощи исторіи и въ своихъ политическихъ обстоятельствахъ. Коснувшись борьбы Новгорода съ Чудью, она отмѣтила, что «Ливонія или Лифляндія *вся* изстари къ Руси принадлежала». Она просила, чтобы не говорили вообще «Польша», а ставили, гдѣ слѣдуетъ, «Литва»... Польша, столицей которой былъ въ древности Краковъ, есть страна особая И она не пожелала принять предложенный ей титулъ «королевы польской», такъ какъ въ ея владѣніи

«нѣтъ ни одного дюйма Польши», прибавляя, что она «очень хорошо подкована во всемъ этомъ, имѣя дѣло съ архивами и лѣтописями». Кстати прибавимъ, что извѣстый географъ Конрадъ Мальтбрюнъ (Tableau de la Pologne anc. et mod., 1807 и 1830) и англ. историкъ Эд. Фриманъ вполнѣ согласны съ Екатериною, независимо отъ нея. Послѣднiй говоритъ: «Нужно помнить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначальнаго Польскаго государства не досталась Россiи. Россiя получила обратно свою территорiю, отнятую у нея Литвою и соединила большую часть самой Литвы съ областями, расположенными непосредственно на сѣверъ отъ нея. Древнее Польское королевство дѣлится между Пруссiей и Австрiей, а древнѣйшая Польша выпадаетъ на долю Пруссiи». Насколько Екатерина придавала важность объединенiю всѣхъ русскихъ земель, видно изъ слѣдующаго ея замѣчанiя: «Со временемъ надо вымѣнять у Императора Галицiю. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгрiи изъ владѣнiя турецкаго» (май 1793 г.). Единство Россiи Екатерина понимала въ широкомъ смыслѣ, какъ въ политическомъ, такъ и этнографическомъ отношенiи. Ген. прок. князю Вяземскому она писала: «Малая Россiя, Лифляндiя и Финляндiя суть провинцiи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегiями, нарушить оныя отрѣшенiемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакожъ, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основанiи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностiю глупостiю. Сiи провинцiи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкiй, естьли разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинцiяхъ; когда же въ Малороссiи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство». Въ подробномъ же наставленiи гр. Румянцову относительно Малороссiи она между прочимъ говоритъ, что «не всегда силою ввѣренной вамъ власти, но болѣе многообразными ласковости и снисхожденiя средствами и оными, смотря по дѣлу, по времени и по человѣку, искусно изворачиваться должно».

На свои отношенiя съ иностр. корреспондентами Екатерина смотрѣла также съ этой, преимущественно политической стороны, устраняя всякую иную точку зрѣнiя. Такъ, когда одна духовная особа (Платонъ) выразила порицанiе за сношенiя Екатерины съ франц. писателями, то она, высказавъ крайнее неодобренiе такому толкованiю, прибавила, что ей удалось тѣмъ «унизить враговъ Россiи и удержать ихъ дѣятельную вражду противъ нея», а въ интимной бесѣдѣ замѣтила, что «перепиской съ Вольтеромъ она смѣнила французскаго министра Шуазеля, а по корреспонденцiи съ докт. Циммерманомъ—прусскаго министра Герцберга».

Прибавимъ, что оптимизмъ, вообще свойственный Екатеринѣ въ ея

политическихъ взглядахъ, но подкрѣпленный опытомъ жизни и исторіи, позволялъ ей рисовать широкіе горизонты и въ будущемъ... «Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, который отличается догадкою, умомъ, силою, говоритъ она. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту царствованія, Богъ далъ русскимъ особое свойство».

И она, не колеблясь, вѣрила, что «взойдетъ звѣзда Востока, откуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы». Такимъ образомъ Екатерина широко открывала двери тому ученію, которое позже, быть-можетъ, съ большими средствами, но едва ли съ большею настойчивостью, выступило на защиту и утвержденіе тѣхъ же положеній—въ лицѣ такъ называемой школы славянофиловъ.

В. С. Иконниковъ.

Кіевъ, тип. штаба Кіевск. военнаго округа.